

Кашиф Рахимов

Ненаписанные романы

рассказ

19

От переводчика.

Рассказ из сборника: К. Raximof, «Tozsъzlar» («Бестолочь»): Qazan, Janalif, 1932 г. В этой небольшой книжце, которая попала мне в 70-е годы в букинистическом отделе книжного магазина Дома печати, пять рассказов: «Ночной сторож», «Бестолочь», «Агроном Мугаметзянов», «Ненаписанные романы», «Ошибка Аухадиева».

Кашиф Рахимов (1906–1989) – автор двух книг, изданных в 1932 и 1933 годах, ныне незаслуженно забытый самобытный писатель. О его жизни мало что известно, разве только то, что он родом из д. Байраки Азнакаевского района Республики Татарстан. После второй книги «Шатлыклы кез» («Радостная весна») был в 1934 году репрессирован (легко предположить, что ироничный слог молодого писателя во времена всеобщей подозрительности мог послужить поводом для карательной меры). Пять лет отбывал срок в исправительно-трудовых лагерях. Больше не публиковался. Переводчик сохранил некоторые употреблённые автором слова, характеризующие время написания рассказов: «курсант» (применительно к учащимся школы счетоводов), «командир» (несколько позднее – офицер Красной Армии)...

Примечание:

Абзый (тат.) – почтительное обращение к старшему.

Туташ (тат.) – барышня, вежливое обращение к девушке.

Бабай (тат.) – дед.

Мутавалли (тат.) – приходской староста при мечети.

1
У дверей редакции литературно-художественного журнала остановился худощавый бледный юноша с русыми волосами до плеч. Он помедлил, набираясь духу, поправил выдавшую виды кепку, опустил взгляд на просящие каши ботинки, откашлялся и неуверенно потянул дверную ручку. Дверь не поддавалась. Дёрнул изо всех сил – и чуть не упал вместе с дверью навзничь.

В смущении парень застыл на пороге комнаты. Если бы ответственный секретарь редакции, молодой человек по фамилии Тагиров, не сказал ободряюще, взглянув поверх нацепленного для солидности пенсне: «А, товарищ Мансур Халим! Проходи», то наш герой, вряд ли, нашёл бы в себе силы даже поздороваться.

Тагиров выдвинул ящик стола, достал рукопись в несколько страниц. Положил на стол. Мансур крупными шагами, чтобы скрыть дрожь в коленках, подошёл к столу. Быстро пролистав рукопись, торопливо пробежал глазами резолюцию на обороте последней страницы. Она гласила: «Отказать». После точки – витиеватая роспись ответственного секретаря. Ну, само собой, – год, месяц, число.

– Не пойдёт, значит?

– К сожалению, товарищ Халим.

На этом разговор закончился. Секретарь вернулся к работе. Мансур же стоял как вкопанный. «Ах, не подходит, значит? Ну конечно! Разумеется! Где уж вам напечатать произведение крестьянского сына, из низов поднявшегося, когда кругом полно чёрт знает каких замшелых, старорежимных писателей, отпрысков служителей культа! Погодите, придут ещё деньки, стану и я крупным литератором. Вот тогда уж вы мне по телефону будете названивать: «Товарищ Халимов, не будете ли столь добры, не дадите ли

в наш журнал какой-нибудь рассказец?» Звоните, звоните на здоровье! Да только я уж тогда на рассказы размениваться не буду. Стану работать над большими томами. А вы, гады, просиживайте штаны в своей дурацкой редакции!»

С такой вот гневной речью, хлопнув дверью, намеревался покинуть редакцию Мансур. Увы, духа не хватило. И даже круто развернуться и гордо удалиться не решился. Удовлетворился тем, что просто переспросил:

– Значит, не подходит?

Мансур сунул рукопись в карман и тихо вышел на улицу. В лицо ему ударили мелкие капли прохладного августовского дождя. Он приободрился. Дрожь в ногах прошла. Теперь он ощутил себя настоящим батыром, возвращающимся с поля битвы. Даже распахнул плащ навстречу косому дождю. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу. Перед ним стоял бывший однокашник по рабфаку Магсум.

– Здорово, Мансур, куда бежишь?

– А-а, Магсум! Как жизнь?

– Отлично, сам как?

– В порядке.

– Ну и куда спешишь?

– Да куда. Вот, из редакции возвращаюсь. И не заметил, как в этом переулке очутился. Такой уж мы, писатели, народ: голова, понимаешь, постоянно переполнена мыслями.

– Похоже на то. Гляжу – идёшь, перед собой ничего не замечаешь. Ну и что написал? Неужели напечатают?

– Отнёс в редакцию рассказ – отрывок из будущего романа. Не напечатали. И до самого сегодняшнего дня промариновали. Зашёл, поговорил по душам с новым редактором журнала, Махмуди. По правде сказать, обругал его. Если у человека кровь горячая, от него так просто не отделаешься. А поскольку и он тоже горячим человеком оказался, то здорово мы сцепились. Ну, и высказал я ему всё, что о нём думал.

– И что, помогла тебе твоя горячая кровь?

– Да спохватились они было, задний ход дали, но я рукопись забрал. Не стал оставлять. Им палец в рот не клади... Запросто под своим именем выпустят.

– И всё-таки не стоило рукопись забирать. Гонорар получил бы, штиблеты себе приобрёл...

– А я вот забрал. Ты мой характер знаешь. Мы ведь с тобой два года в одной комнате в общежитии обитали, так? Помнишь, всё время спорили, кому на первый этаж за кипятком спускаться? Я из принципа за кипятком не ходил. Даже когда по жребью выпадало...

– Да уж!..

– А в данный момент работаю над двумя большими романами, одной повестью, а также поэмой. Есть начатая трагедия в четырнадцати действиях. Кроме того, ещё одна задумка имеется: замахнуться, понимаешь, на роман-эпопею из рабочей жизни. Знаешь, я решил и твоё имя увековечить, раз уж мы с тобой друзья. Назову одного из героев этого романа Магсумом. Представь себе, прекрасный такой тип: сам из деревни, батрак, увлекается литературным творчеством...

Прятели присели на ближайшее крыльцо и, вывернув карманы, натряс-

ли табака на две сигарки. Мансур продолжал:

– Тем всяких много, парень, очень много. Вот только места нет спокойно, чтобы можно было сесть и писать. В общежитии что напишешь? Там – поют, здесь – галдят. Была бы спокойная квартирка, писал бы да писал! Печататься бы начал, человеком стал. Как бы я тогда ходил: на ногах хромовые сапоги, сам в костюме из лучшего сукна, на голове фетровая шляпа, на носу очки в золотой оправе, в руке изогнутая трость, во рту – папироса высший сорт.

– Тогда уж и нас, убогих, не забывайте, – смеясь, произнёс Магсум и встал с крыльца, чтобы попрощаться.

2

После встречи и разговора со старым другом Мансур повеселел. Погрузившись в сладкие думы, ходил он кругами по периметру сквера. Представлял себя он знаменитым писателем, автором нескольких объёмных романов, десятков трагедий и поэм. В своих мечтах не обошёл и материальный аспект. Якобы стал обладателем роскошной шестикомнатной квартиры в самом лучшем районе города. Квартиру эту ему предоставили совершенно бесплатно, только за то, что он – писатель. Комнаты отапливаются паром. Во всех комнатах электрическое освещение. Светло, тепло, радостно на душе. Одну из комнат Мансур Халим назвал «Литературный кабинет». Туда он заходит только для того, чтобы творить. И будто бы, когда Мансур находится в этом помещении, совершенно исключено, чтобы кто-нибудь туда входил и шлялся по комнате, мешая писать; даже, если весь мир будет рушиться – здесь идеальная тишина, не слышно ни звука. Вторая комната – столовая. Она также светлая и тёплая. Третья комната – гостиная. Здесь установлен рояль... Тут и его дражайшая половина, любимая жена (пока её имя неизвестно), завер-

нувшись в шёлковый халат, выплывает из спальни, садится за рояль и начинает играть. Божественно!

Весь в мечтах, Мансур не заметил, как подошёл к общежитию счетоводческих курсов. Тут у него всё вылетело из головы, даже важная для него проблема поиска квартиры (по дороге он разглядывал дома, пытаясь выбрать достойное своих фантазий жильё).

В общежитии тихо. Оказывается, курсанты ушли на какое-то собрание. Мансур подумал: «Какая тишина! Если бы все ночи были такими, в сутки можно было бы заканчивать по поэме или по доброй половине романа».

Прежде чем сесть писать, решил он собраться с мыслями. Из-под своей кровати рядом с дверью вытащил волоком большую корзину. Из-под вороха бумаг, тетрадей, пожелтевших газет достал экземпляр журнала и молодёжную газету. Раскрыв журнал и созерцая набранное жирным шрифтом под одним из рассказов «Мансур Халим», он мечтательно улыбнулся. Потом перечитал своё двенадцатистрочное стихотворение в молодёжной газете.

Эти два произведения были плодом его двухлетних трудов на ниве художественной литературы. По правде сказать, рассказ на одну страницу и стихотворение объёмом в двенадцать строчек за целых два года, не ахти как и много. Ну и пусть! Эти две вещи всё равно вызвали в молодом человеке двадцати двух лет от роду воодушевление, ощущение собственной значительности. Сейчас у него заготовлено три толстенных тетради под романы. Уже и темы найдены, и названия на обложках надписаны. Сверх того, есть целая стопа отличной белоснежной бумаги. Хорошо всё-таки он сделал, что успел ею запастись в ту пору, когда бумаги в магазинах было много. Потом ещё имеется приготовленная для написания поэмы тетрадь за 85 копеек в клеёночной обложке, пятьдесят тонких тетрадей, четыре блокнота. И это не всё, есть ещё замысел одной грандиозной трагедии, и на обложке будущей

280-страничной рукописи уже красуется заглавие: «Вспоротые дни». Осталось только раскрыть её на первой странице и начать писать.

Полистав тетради и поняв, что не знает, что писать, Мансур растерялся. Если засесть за какой-нибудь роман, всё равно не закончишь его до прихода сокурников. Через несколько часов они вернутся, ввалятся, начнут шуметь, мешать. Начнут допытываться: «Что это ты, Мансур, строчишь?». Поэтому сегодня он решил роман не писать, а взяться за поэму. Отец его, бывало, перед тем как начать какое-либо важное дело, произносил «бисмилла» – «с именем Аллаха», – что-то шептал. И в подобных случаях, когда находился в замешательстве, с чего начать, ясное дело, молился. Не предпринять ли и Мансору чего-то в этом духе?

При этой мысли он невольно вздрогнул и огляделся. Сказать по-честному, в голове у него промелькнуло нечто вроде опасения, не подслушал ли кто его мысли.

На обложке поэмы уже красовалось выведенное крупными буквами заглавие: «Щебечут птицы певчие». Теперь он обвёл эти буквы волнистой линией. Написанные сверху титульного листа свои имя и фамилию он для красоты подчеркнул двойной чертой. Внизу титульного листа тщательно выписал год, месяц, число, рядом – название издательства.

Мансур открыл тетрадь на первой странице, затем была закурена папироса. В груди бушевали бешеные страсти. Вот только перо что-то не торопилось трогаться с места. С каких слов ни начни – всё кажется, что выйдет некрасиво, и приходящие на ум рифмы казались неудачными.

Наконец, набравшись мужества, он в несколько минут набросал четверостишие:

**В лесу щебечут, радостно беснуясь,
Поют песнь леса вековую птицы.
Как соловьи, приветствуют весну,
Друг с дружкой в песне,
чтоб соединиться.**

Эти четыре строчки придали ему немного бодрости. Теснившиеся в груди сомнения стали уступать место уверенности в своих силах. Он несколько раз перечитал написанное. С каждым разом его восторг усиливался. Он вслух, громко, сам себе задавал вопрос и сам же на него отвечал.

– Рифмы сходятся?

– Сходятся! Вполне современные рифмы. С этой стороны не подкопаешься.

– А как насчёт художественности? Художественно написано?

– Безусловно, художественно! По крайней мере, имеется описание природы.

– Идеология правильная?

– Правильная. Соединяться – это с точки зрения идеологии очень правильно.

Теперь у него не оставалось и капли сомнения, что поэма будет напечатана. Он мысленно попытался оценить размер гонорара за опубликование поэмы, представил себе хвалебные рецензии и, как следствие, безусловное принятие в Ассоциацию пролетарских писателей. А там, глядишь, выберут в какое-нибудь правление или другой подобный орган.

Мансору даже захотелось немного отдохнуть от захлестнувшего его радостного воодушевления, и он, растянувшись на койке, предался мечтам о своём будущем. Он вновь мысленно вернулся в давешнюю шестикомнатную квартиру. Принялся обставлять её невиданно роскошными вещами. На стены повесил огромные зеркала, приобрёл кровати на пружинах, стулья с мягкими сиденьями. Кругом полно разнообразной посуды. В каждой комнате – по радиорепродуктору. Теперь дело упиралось в то, чтобы найти подходящую красивую девушку, да и жениться.

– Может, мне жениться на Халиме? Красавица так уж красавица! Всё-таки чувства не обманешь! О Халима, душенька, только бы ты стала моей.

Девушка учится в медицинском техникуме. Честно говоря, они с ней пока, по существу, не знакомы. Он видел Халиму лишь изредка, когда та заходила в гости к земляку – парню, жившему в одной комнате с Мансуром.

Образ голубоглазой, румяной и круглолицей Халимы предстал перед воображением Мансура, и на сердце ему словно сыпанули красного перца. На минуту он позабыл, что валяется на общежитской койке, и представил себе, как идёт по улице под руку с предметом своих мечтаний. Вот они шагают по улице вдвоём, ведут беседу... Стоп! А что в таких случаях полагается говорить?

Мансур Халим словно очнулся ото сна, соскочил с кровати и бросился к столу. Разговаривая сам с собой, он занялся лихорадочными поисками бумаги получше. «Мечтами делу не поможешь, надо принимать какие-то конкретные меры, свою судьбу надо решать самому, сегодня же надо познакомиться», – громко провозгласил Мансур.

Полчаса ушло на раздумья над зачином письма. Оказалось, это даже труднее, чем начать давешнюю поэму. Пришлось немало поломать голову, прежде чем на свет появился нижеследующий текст.

*Дорогая, свет очей моих,
товарищ Халима Сабитова!*

Руководствуясь законом естественного отбора, открытым Чарльзом Дарвином, повинуюсь естественному зову сердца, из всех девушек на свете отобрав Вас единственную, отважился я написать данное письмо, вслед за чем разрешите поставить Вас в известность, что я осмеливаюсь сообщить Вам о своём желании познакомиться с Вами, имея в виду намерение связать навеки наши судьбы и питая надежду на Ваше прощение за эту дерзость. Хотя я Вас давно, с того мгновения, как впервые увидел, люблю, но считаю своим долгом сказать, что мне приходится лишь гореть внутренним огнём, тлеть – по причине того, что до сей поры мне не удалось с Вами поговорить. Вы, наверно, зададите вопрос: кто Вам пишет? И вот мой ответ.

Я – литератор, иными словами, писатель, молодой перспективный поэт. Возможно, Вы помните: как-то

раз, во время посещения общежития курсов счетоводов Вы сделали замечание лохматому молодому человеку за то, что он сморкнулся на пол в коридоре. Я и есть тот самый парень с лохматой шевелюрой. С Вашего позволения, дорогая товарищ Халима, свет очей моих, я бы хотел увековечить Ваши имя и фамилию. То есть я бы хотел дать Ваши имя и фамилию героине одного из наиболее значительных моих романов. Помимо этого, если Вы – о свет очей моих! – не будете протестовать, я бы хотел вставить Ваше имя в поэму, которая будет опубликована в ближайшие месяцы. Но только исключительно с Вашего одобрения. И всё это – оттого лишь, что я Вас очень люблю. А не дадите согласия – ну так что же, ко мне толпами приходят люди и упрашивают: вставь, мол, моё имя в роман... Однако эти люди для меня – ноль! А Вы – моё божество. Хотите – обижайтесь, ругайте меня, но, Халима, о мой бог! – во имя тебя я готов пойти в огонь и воду!

Смеющийся надеяться на то, что Вы простите его, если он попросит не оставлять это письмо без – каким бы он ни был – ответа.

Писатель Мансур Халим.

Мансур закончил письмо и несколько раз его перечитал. Он сидел в задумчивости, когда вдруг хлопнула дверь, и в комнату с шумом и топотом ввалилась толпа сокурсников, возвращавшихся с собрания. Мансур попытался быстро прикрыть письмо от взоров своих товарищей. Тем не менее один из курсантов успел, заглянув через плечо, громко прочесть: «...о мой бог! – во имя тебя я готов пойти в огонь и воду».

Сокурсники весело рассмеялись.

3

Несмотря ни на что, у Мансура Халима сегодня радостный день, потому что вчера ему удалось поговорить с Халимой, и она согласилась пойти с ним

вечером в театр. Правда, поначалу она смотрела на него довольно неприветливо. И о том письме ни слова не проронила. Только когда Мансур со своим приятелем Гареевым, её земляком, предложили ей: «Не хочешь ли пойти с нами завтра в театр, билеты мы купим», – ответила:

– Если будет настроение...

На занятия нынче Мансур Халим не пошёл. Как, впрочем, не ходил и в другие дни. Однако сегодня он поистине ощутил себя птицей, вырвавшейся из клетки на свободу.

Ещё одна радость: вскоре его приняли на службу в одну маленькую газету на должность литсотрудника. По этому случаю он продал на базаре полученную по ордеру профкома пару варежек. Продал и на вырученные деньги купил три билета в театр. Кроме того, приобрёл там же, на «толчке», несколько огромных амбарных книг, по трёшке за штуку. Сколько в них произведений можно уместить!

Одна из них будет предназначена для написания масштабной трагедии. Вторая – записная книжка, для памяти. Но это, конечно, не означает, что он будет записывать на её страницах, что он делал в такой-то день. Здесь будут собраны: темы для крупных произведений, услышанные от людей описания тех или иных событий, разные душевнораздирающие истории и случаи – материал для написания трагедий.

Мансур не предполагал, что у него сегодня дойдут руки до этих тетрадей. Однако, почувствовав, что ожидать вечернего похода в бездействии просто невыносимо, был вынужден взяться за перо.

В первую очередь, была надписана обложка трагедии. Трагедия получила название «Земля рыдает». Как водится, над названием были выведены имя и фамилия автора: Мансур Халим. Однако их звучание на фоне такой ужасающей трагедии показалось каким-то мягковатым. Мансур Халим и прежде не был вполне доволен собственной маловыразительной фамилией. И этот

недостаток звучности особенно остро ощущался им сегодня, когда он надписывал заглавие на обложке своей новой трагедии. Поэтому, взяв слова «Мансур Халим» в скобки, он начал спешно подыскивать себе подходящий псевдоним. Какое бы имя выбрать?

– Батыр Геройский?

– Старо.

– Гарговский?

– И это мягко звучит.

После долгого размышления он вынес окончательное решение: «Гургурианский» – и воплотил его в жизнь, выведя эту фамилию на обложке тетради.

Теперь, когда оформление обложки было закончено, Мансур, отложив написание собственно трагедии на другой раз, решил сначала, пока не забыл, занести в записную книжку кое-какие темы. Обложку амбарной тетради, служившей записной книжкой, он также украсил надписью крупными буквами: «Памятная книжка для записи планов трагедий, романов и других произведений Мансура Халима-Гургурианского». Этот заголовок на обложке не уместился и переполз внутрь записной книжки. На первой странице появился нижеследующий текст.

Содержание будущего романа

Заглавие романа:

КРАСИВАЯ ДЕВУШКА

План:

В одном ауле живёт некая очень красивая девушка. По ней страдают многие из местных джигитов. Естественно, в неё влюбляется и один на внешность довольно некрасивый парень. Но из-за того, что девушка его не любит, между ними возникает неприязнь. Девушка выходит за другого парня, красивого. Выйдя замуж, она с этим красавцем не уживается – что ни день, у них скандал. Ссорясь с женой, красивый парень то и дело её поколачивает. Однажды он поколотил её, и она убегает к тому некрасивому парню, который её с самого начала любил. Прибежав, говорит: «Я решила с мужем развестись. Выйдя замуж

за красивого человека, я совершила ошибку». Выслушав её, парень... ???

Дойдя до этого места, Мансур Халим растерялся. Если написать, что некрасивый парень ответил девушке: «В девичестве ты меня отвергла, предпочла красавца, теперь вот и я тебя отвергаю», то жалко девушку... А если написать, что он ответил: «В таком случае, будь моей спутницей жизни, разводишься с мужем» – обидно за парня. Неужто из-за своей неказистой внешности он будет обречён весь свой век с разведённой бабой коротать?!

Потому-то план романа и застопорился. Мансур поставил стайку вопросительных знаков и на этом месте остановился. Тем более что уже подошло время идти в театр.

4

Когда они втроём оказались в театре, горести Мансура развеялись.

От радости он не шагает, а летит. Не знает, куда девать руки. От возбуждения выделяет ими в воздухе какие-то совершенно неуместные движения. Кажется, взоры всех находящихся в фойе людей прикованы к нему, Мансуру Халиму. Вот они втроём прогуливаются по фойе.

Мансур всю дорогу острил, шутил, но во время последнего антракта намеревался серьёзно поговорить с Халимой наедине, раскрыть перед ней свои мысли, поделиться своими планами на будущее, включая написание романов и получение роскошной квартиры. Но, во-первых, он, весь измучившись, не смог найти подходящего повода завести беседу в нужном русле, а во-вторых, почувствовал, что пассия не горит желанием слушать его излияния.

В последнем перерыве Мансур, собравшись с духом, завёл речь о том самом своём письме.

– Вы, верно, на меня рассердились, Халима-туташ?

– Рассердилась? Это почему же?

– Из-за того письма.

– Какого ещё письма?

– Как это какого? Которое я вам написал.

– Это когда же?

– Совсем недавно.

– Я от вас письма не получала.

– Неужто не получали никакого письма?

– Вообще-то, в этом месяце мне пришло одно письмо. Но, по-видимому, оно попало ко мне по ошибке. Я вскрыла конверт, однако оказалось, что это письмо к какому-то Мухтару.

Эти слова пришлись для Мансура Халима как ушат холодной воды. По спине побежали мурашки. Он смутился и покраснел. Мысль о том, что Халима видела, как он покраснел, заставила его покраснеть ещё сильнее.

Проблема была не только в том, что первоначально адресованное Мухтару послание с просьбой о рекомендации в партию попало к Халиме, но и в том, что письмо, предназначенное Халиме, ушло в деревню к Мухтару. Как на грех, имя и фамилия отправителя указаны вполне чётко. Ладно бы он подписался псевдонимом «Гургурианский». Куда там! Так и написал: Мансур Халим. От расстройства он потерял самообладание и вслух воскликнул: «Вот тебе и рекомендация!» Внутреннее беспокойство заставило его даже забыть про Халиму, и он потерял её из виду. Только после того, как прозвучал третий звонок, впотьмах пробрался к своему месту. И к удивлению, обнаружил, что в соседнем кресле сидит не Халима, а какой-то совершенно посторонний мальчуган.

По окончании спектакля, не дожидаясь Гареева, Мансур в числе первых зрителей покинул театр и, встав на крыльце, среди людского потока стал высматривать Халиму. Он не поверил своим глазам, когда увидел её выходящей из театра под ручку с щеголеватым командиром. Чтобы не повстречаться с ней, он юркнул за угол.

С завтрашнего дня Мансур решил, засучив рукава, приступить к работе в

редакции, найти симпатичную тихую квартирку – и, не переставая, писать, писать...

Но стоило ему вернуться в общежитие и лечь в постель, как в голову опять полезли путаные, но приятные фантазии. Якобы он стал знаменитым писателем, пребывает в той самой роскошной квартире, и Халима просит у него прощения: «О Мансур Халим! Раньше я тебя недопонимала». Будто бы и отец Мансура стал человеком вполне передовых взглядов, бросил свою должность мутавалли, и его избрали на какой-то пост в колхозе.

5

Первые месяцы работы в редакции были весьма удачными. Но вскоре в одной газете появился язвительный фельетон под заголовком «Непишущие писатели». В фельетоне упоминалась и фамилия Мансура Халима.

На собрании молодых писателей Мансур выступил с протестом против этого фельетона. За это его крепко поругали. Затем один поэт, из рабочих, Гали Гафуров, взял над ним шефство.

– Айда, брат, ко мне на квартиру, семья у меня небольшая, в тесноте, да не в обиде. Будем с тобой, Халим, на пару писать.

Действительно, семья у Гафурова немногочисленная. Да ведь и комната не из просторных. В наличии всего два окна. Всю жилплощадь заполняют два стола да две кровати. Поистине чудной человек этот Гали. Утром встаёт, отправляется на завод, вечером возвращается – и либо принимается за чтение, а читает он всегда вслух, либо садится писать. Ну а сядет писать – тут уж впору спасаться. Каждую написанную строчку громко декламирует. Декламирует, правит, снова записывает. Как закончит стихотворение, принимается читать его вслух. Много раз, пока не выучит наизусть. Телосложения он не очень крупного, но голос имеет вну-

шительный. Есть у него ещё и такой обычай. После того, как прочтает то, что написал, спрашивает:

– Ну, Мансур, скажи честно, хорошее стихотворение получается?

Мансур, хоть и не в восторге от его виршей, не теряет бдительности:

– Хорошее, хорошее... Это у тебя очень хорошее стихотворение получилось.

– Нет, тут ты, парень, заблуждаешься, это стихотворение нехорошее. Это ещё недоваренная словесная каша, – начинает он себя критиковать. – Это дело надо ещё превратить в сталь, закалить. Тогда сходу напечатают!

...Как бы то ни было, живя на этой квартире, Мансур толком ничего не написал. Ему для творчества необходима была полная тишина. Достаточно какого-нибудь шороха – и не то что рассказ написать, а даже в служащую записной книжкой давешнюю толстую тетрадь заметку занести он не мог. Однако, несмотря ни на что, за последнее время она обогатилась более чем пятьюдесятью найденными Мансуром темами. Он набросал краткий план романа (а может быть, поэмы) под названием «Слепой партизан», где прототипом главного героя послужил слепой нищий старик, побиравшийся на мосту. Однажды, проходя мимо спиртзавода, Мансур остановился, и созерцание заводской трубы вдохновило его на замысел романа «Труба мартена». Увы, по неведомой причине ни одно из его сочинений не было опубликовано. За всю жизнь из прозы ему удалось пока напечатать лишь вышеупомянутый небольшой рассказ.

Вот недавно, имея в виду перегибы в колхозном строительстве, он написал короткий рассказ «Погнутые клинки». Не напечатали. Возвратили с резолюцией: «Автор не знает колхозной жизни, протаскивает ошибочную точку зрения на роль коммунистов на селе».

А приятель-то его, Магсум – кто бы мог подумать! – оказывается, сам рассказы пишет. Два его рассказа вышли сразу в двух журналах. Мало, что печат-

тают, так ещё и хвалят. Кто бы Мансура Халима так похвалил! Молчат. Словно он ещё и на свет не родился. Это при том, что кого-кого, а уж Мансура Халима все знают. Пожалуй, не найдётся такого сотрудника редакции газеты или журнала, которому он не был бы знаком. Тем не менее, о его произведениях ни слуху, ни духу. Вдобавок, кое-кто из молодых писателей и корреспондентов пристает к Мансуру с обвинениями: якобы, он их вещи сокращает, портит. Ну, сокращает. Не для того ведь, чтобы на освободившемся месте свои произведения тиснуть. В этом отношении Мансура Халима не упрекнёшь. В свою газету он сроду литературных произведений не давал. Попробуй, напечатай – пожалуй, вообще с грязью смешают.

6

Случалось, Мансур и раньше посещал пивные. Но то бывало не с горя, а так – залить жажду в жаркий день; ну иногда ещё: встретит приятеля, а тот уговорит зайти посидеть, поболтать. Сегодня же его привела сюда тоска.

Настоящее горе, настоящая беда. Во-первых, вышла замуж Халима, по которой он целый год страдал. И, во-вторых, как назло, в этот же день в печати появился суровый отклик на его стихи, опубликованные им впервые за долгое время работы в собственной газете. Критический отклик был озаглавлен «Об одном вредном стихотворении». А ведь сам Мансур Халим до сих пор полагал, что это его самое лучшее, самое революционное, единственное в своём роде стихотворение! И то сказать, чтобы его написать, пришлось отправиться за город, в поле, где царила столь редкая и желанная для него тишина, нарушаемая лишь соловьиными трелями.

...В пивной полным-полно народу, накурено так, что хоть топор вешай. Изредка в просветах среди клубов дыма возникают развешанные по стенам пей-

зажи – шторм в открытом море, бурные горные реки – и кажется, что огромные массы воды готовы обрушиться на головы посетителей заведения.

Вот Мансур ударяет кулаком по столу:

– Принесите ещё пару!

Выпито уже пять кружек, и кружек пять, пожалуй, он ещё выпьет. До сих пор такого не бывало, чтобы в одиночку, без компании, он выпил пять кружек. А вот сегодня ударило в голову – и пьёт.

Перед Мансуром поставили пару пива. А сидящему напротив татарину не принесли. Ты, мол, дядя, уже хорош. Тот начинает упрасивать Мансура:

– Браток, денег не жалко, возьми рубль. А мне оставь одну кружку.

Одетый по-деревенски рыжебородый человек уже кажется Мансуру близким и знакомым. Поэтому он не стал кочевряжиться, подвинул мужику пива. Пить вдвоём всё же интереснее, чем в одиночку. Да и официанты такому делу препятствовать не стали.

Они быстро познакомились. Рыжебородого звали Мухамметша. По его словам, он крестьянин-середняк, в своё время и в Красной Армии послужил. Во время «перегибов» его было «по злобе» раскулачили, однако справедливость всё же восторжествовала. И тех, кто его раскулачивал, он сам засадил в тюрьму. Но вот теперь, из-за обострившейся ситуации неприязни к нему, его не принимают в колхоз. В город он приехал продать корову. В данный момент пропивает выручку.

Мансуру понравился этот человек приветливым взглядом голубых глаз, складными речами. Ему пришла в голову мысль: разговорить этого человека, вытянуть из него историю его жизни и на этой основе создать эпический роман или другое подобное литературное произведение. Но вместо этого он сам стал рассказывать Мухамметше историю своей жизни. Мухамметша при этом также говорил не умолкая. После того, как их голоса стали разноситься на всю пивную, официанты прекратили их обслуживать. На просьбу принести

ещё пива они отвечали: «Будьте любезны освободить помещение!»

Через полчаса недавние соседи по столику пришли домой к Мансуру – на квартиру Гали. Мансур не успел представить нового приятеля хозяину, как Мухамметша, едва переступив порог, с шумом «стравил харчи» прямо на пол.

Приглядевшись к незваному гостю, Гали неожиданно узнал в нём старого знакомого и строго посмотрел на Мансура.

– Мансур, да ты знаешь ли, кто это?

– Знаю: это мой друг, дядя Мухамметша. Я изучаю его жизнь. Я роман пишу... – бормотал Мансур. Он был в приподнятом настроении и улыбался.

– Роман пишешь – пиши. Да только ко мне на квартиру такой народ не води, понял? Знаешь, это кто?

В этот момент и Мухамметша наконец-то тоже признал Гали и обратился к нему по имени:

– Гали! Гали! Я тебя, братишка, прекрасно помню! Ты на меня не клевети, я, по крайней мере, скажем, средний крестьянин... А будешь оскорблять, так вот это ты видал? Вот это-то на самом деле и называется – кулак! Тот самый, что вашу шатию-братию не раз угощал...

Между тем Гали, ухватив Мухамметшу за шиворот, начал его выпроваживать.

– Ты, давай, много не болтай, вали отсюда!

Мансур растерялся. Не понимая, куда клонится дело, попытался заступиться за нового друга. Гали в ответ заорал на него:

– Мансур, да ты хоть понимаешь, кого привёл? В прошлом году на хлебозаготовках я как раз у них в ауле был. Эту сволочь мы к десяти месяцам принудработ приговорили. Это самый что ни на есть злейший враг советской власти.

Мухамметша, извернувшись, попытался съездить ему по скуле, но промахнулся, и удар пришёлся в плечо. Тогда Гали своими клешнями ухватил

его за руки. От лёгкого пинка Мухамметша вылетел за дверь и растянулся на крыльце. Тем временем жена Гали выбежала на улицу и истошным криком принялась призывать на помощь милицию. Не прошло и пяти минут, как прибыла милиция, забрала валявшегося на улице пьяницу.

Гали стал на чём свет стоит бранить Мансура. В этой его брани смешались обида и злость.

– Ты, Мансур, дурак, оказывается. Я тебе помочь хотел. Ведь как я думал: парень – комсомолец, слишком увлечён литературой, через это его из учебного заведения турнули. Но, думаю, со временем поймёт необходимость учёбы и, может, всё-таки станет порядочным писателем. Я ему, как родному, по мере возможности старался подсобрать материально. Как мог, в работе его направлял. А он в итоге вон что выкинул: с кулаками снюхался, пьянствует-гуляет с ними. Вот до чего докатился... Испорченный ты, Халимов, человек!

Ничего не ответил Мансур. Тихо собрал чемодан и ушёл...

7

Ни стук вагонных колёс, ни плач ребёнка сидящей напротив женщины не могут прервать ход мыслей Мансура Халима. У него сегодня приподнятое настроение. Душа его волнуется и куда-то рвётся. Словно бы, с одной стороны, хочется скорее добраться до места; но, в то же время, хочется вот так, растянувшись на самой верхней полке, слушающая говор колёс, ехать и ехать, погружившись в свои мысли.

Прошедшие дни, воспоминания о малых и больших событиях проносятся перед мысленным взором, подобно телеграфным столбам, пробегающим за окном не очень-то спешащего вагона.

Проведённое в деревне детство, отъезд на учёбу в город, пора учёбы на рабфаке, написанные тогда рассказы и стихи... Сначала он их толь-

ко читал на рабфаковских вечерах, потом таскался с ними по редакциям. Публикация одного рассказа и двух стихотворений... Воспоминания об этом Мансуру не менее приятны, чем мечты о воображаемой шестикомнатной квартире.

Только последний год видится Мансуру не в слишком радостных тонах. Особенно последние месяцы: отчисление со счетоводческих курсов, увольнение из редакции «за бездушность, а также за самоуправство, выражающееся, в частности, в отправке в мусорную корзину без прочтения поступающих в редакцию материалов». В последнее время многие из писателей, особенно из числа молодых, поглядывали на него косо. Даже бывший его близкий друг Магсум перед тем, как распрощаться, сказал:

– Мансур, был ты мне близким другом, и, хоть не могу назвать тебя учителем, который ввёл меня в литературу, но твоё увлечение литературой в первое время на меня повлияло: после того, как опубликовали твоё первое стихотворение, и я начал писать. Да только ты на этой первой ступеньке остановился. Не ожидал я от тебя, что так сдуюешься!

Эти слова то и дело слышатся Мансуру, пробиваясь сквозь шум поезда.

Мало-помалу сердце Мансура Халима успокаивается. Мысли о прошлом улетучиваются. Он начинает воображать себе новую жизнь, думать о том, как он проведёт предстоящие годы.

Вот он приезжает в деревню. Отец его, прежде упорно не желавший вступать в колхоз, хоть и обиделся на сына за письмо с агитацией за вступление, но сам всё понял и вступил. Вступил и стал активно работать. Будто бы к прежнему его авторитету мутавалли, приходского старосты, добавился новый – колхозного активиста; даже единоличники из числа бедняков-средняков почтительно называют его «Халимулла-абзый»... По приезду якобы определяют Мансура на должность учителя, работает он всего по четыре часа в день, обучая детей. Возвратившись со службы, немного от-

дохнёт в новом отцовском доме – и садится писать. Каждый день он заполняет по одной из тетрадей, привезённых в чемодане. За год написана уйма романов и рассказов. Благодаря тому, что находится в гуще колхозной жизни, он очень быстро и во всех деталях её изучил. Поэтому его книги издаются одна за другой. Он становится знаменитым. Его приглашают обратно в город. Даже без подачи заявления принимают в Ассоциацию пролетарских писателей... Тут он снова оказывается в превосходной шестикомнатной квартире.

Опьянённый своими сладкими грёзами, Мансур Халим чуть было не пропустил ближайшую к родному аулу станцию.

Он уже подходил к воротам отчего дома, когда с готового завалиться минарета, возвышавшегося над замшелой тесовой крышей ветхой деревянной мечети, донёсся призыв к молитве. Голос показался Мансуру знакомым. Точь-в-точь голос отца...

Младшие братья и сестрёнки облепили Мансура. Мать, собравшаяся было подоить корову, хоть и не проявила особого восторга по поводу приезда сына, всё же призналась, что соскучилась по нём.

– А где отец? – спросил Мансур, входя в дом.

– Ушёл к вечерней молитве, – холодно ответила мать. После этого все сомнения Мансура улетучились – голос муэдзина, призывавшего на молитву, принадлежал его отцу.

Тем временем пожилая женщина с обидой в голосе принялась рассуждать:

– Вот вы, молодёжь, поотрачивали волосы на русский лад, праздников не соблюдаете. С вашей лёгкой руки всё меньше в ауле людей, пекущихся о вере. Было раньше три мечети, так две из них закрыли. В одной школьники учатся, в другой, говорят, театры ставят. Одна старая мечеть-то и осталась. Муллы свои обязанности забросили, а муэдзины – так ещё раньше них.

Мать переключилась на колхозный вопрос. Ругала на все лады колхозников. Проклинала председателя сельсовета. Видя, что сын её слушает невнимательно, ещё больше распалилась.

Тут вернулся и старый Халимулла. Голову его украшала засаленная чалма. После кратких приветствий и он перешёл к теме колхоза. Перечислил людей, которых раскулачили. Назвал раскулачивание «наказанием безвинных». Мансур хотел было возразить отцу по поводу некоторых его высказываний, но стерпел, стараясь не портить первого впечатления от встречи.

Часам к трём ночи Халимулла и Мансур во мнениях окончательно притёрлись. Мансур сказал:

– У нас, оказывается, колхозное строительство ведётся с перегибами. Неправильно это.

А старый Халимулла словно печать поставил:

– Само собой, делали бы всё правильно, и я б в колхоз бегом побежал. – Про себя же подумал: «Побежать-то, конечно, не побежал бы, да не стоит с сыном ссориться, негоже своих детей от себя отталкивать».

На следующий день Мансур до двух часов дня проспал на постланной матушкой перине. Если бы его не начали осаждать полчища мух, он бы, пожалуй, прихватил ещё пару часиков. В тот день ни колхозная канцелярия, ни клуб не работали. Поневоле он вновь допоздна просидел за разговором с отцом.

Как стемнело, отец повёл Мансура в хлев. А в хлеву-то выкопан погреб! В погребе – довольно большой ларь. Старый Халимулла открыл сыну тайну:

– Сынок, я хорошо знаю: в этом году нам вдоволь хлеба не оставят. Вот потому я эту штуковину и задумал. Ты бы помог мне это дело закончить.

...Прошли дни, недели. Наступила горячая пора хлебозаготовок. Хотя отец

и остался единоличником, Мансур подал своё заявление в колхоз. Он уже собирался было приступить к работе... как в сельсовет поступило некое послание. Каллиграфический почерк... Подпись, однако, отсутствует. А написано там, что у старого Халимуллы зерно закопано, и подробно сообщается, где именно.

Председатель сельсовета, подивившись отсутствию подписи, сказал:

– Ребята, надо сходить, глянуть. Самого Халимуллу к твёрдому обложению присудили, а хлеба от него пока ещё не видать ни черта.

Два члена сельсовета и два исполнителя, прихватив длинные железные прутья, отправились на двор к Халимулле.

Попрыгали на месте, указанном в заявлении – земля здесь ходила ходуном. Откопали схороненные сто пудов зерна. После принялись обыскивать дом Халимуллы. Вдобавок к зерну изъяли большое количество керосина, тысячу метров разнообразной мануфактуры, два чемодана писчей бумаги. Вместе с остальными вещами забрали и бумагу. Халимулла пытался было объяснить, что чемоданы принадлежат не ему, а сыну, однако с этим не посчитались. Потому что Мансур Халим, взяв накануне справку о том, что он «является полноправным гражданином», ночью покинул деревню и исчез в неизвестном направлении. Материю выставили на продажу в магазине, её быстро раскупили, деревенские голодранцы приоделись. Зерно свезли в государственный амбар. Бумагу забрали в контору правления колхоза. Дрожавшая прежде над каждой тетрадкой колхозная канцелярия была надолго обеспечена бумагой...

Казань, «Яналиф»,
1932

Перевёл с татарского
Рашид Тухватуллин